УДК 811.161.1

Г.М. Меньшикова
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Е.В. Грудева

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗЕВГМАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ КАК ЯВЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕПОЛНОТЫ

В статье представлена синтаксическая квалификация зевгматических конструкций как явления синтаксической неполноты. На материалах Национального корпуса русского языка и Хельсинкского аннотированного корпуса изучены специфические семантические, грамматические и структурные особенности данных конструкций.

Зевгматические конструкции, зевгма, эллипсис, синтаксическая неполнота.

The article considers syntactic qualification of zeugma-constructions as a phenomenon of syntactic incompleteness. Specific semantic, grammatical and structural characteristics of these constructions are examined on the basis of the Russian National Corpus and The Helsinki Annotated Corpus of Russian Texts HANCO.

Zeugma-constructions, zeugma, ellipsis, syntactic incompleteness.

При рассмотрении явлений синтаксической неполноты в современной лингвистике можно выделить два основных направления: для традиционной лингвистики актуален вопрос статуса нулевых элементов в теоретическом синтаксисе, для прикладной (корпусной) лингвистики – вопрос разметки синтаксических нулей. В рамках данной статьи предпринята попытка представить синтаксическую квалификацию зевгматических конструкций как явления синтаксической неполноты, также кратко освещены проблемы использования корпусного метода при их изучении.

Под зевгматическими конструкциями понимается ряд параллельных сочиненных предложений, организованных вокруг одного общего для них всех члена, в одном из них выраженного эксплицитно, а в остальных – имплицитно. Например: *У двери стоял стол секретарши, на столе – пишущая машинка с широкой кареткой* [8]. Во избежание двусмысленности касаемо принятой терминологии изначально следует оговориться, что некоторые из современных отечественных ученых именуют подобные конструкции собственно зевгмой. Так, автор известного словаря лингвистических терминов О.С. Ахманова определяет зевгму как «ряд гипотактических предложений, организованных вокруг одного общего для них всех главного члена (реализуемого только в одном из них, а в остальных подразумеваемого)» [4, с. 158]. Авторы «Словаря лингвистических фигур» Т.Х. Хазагеров и Л.С. Ширина трактуют зевгму как «гибрид, сочетающий свойства фигур прибавления и убавления, ряд сочиненных и параллельно соподчиненных предложений, организованных вокруг одного общего для всех них главного члена, реализованного только в одном из них, а в остальных подразумеваемого <...>. *Дедка – за репку, бабка – за дедку, внучка – за бабку, Жучка – за внучку, кошка – за Жучку... тянут-потянут...* (из народной сказки)» [11, с. 139]. Но если обратиться к традициям античных грамматик, то становится очевидным, что нецелесообразно сводить зевгму к конструкции, где структурообразующими компонентами могут являться только сочиненные либо параллельно соподчиненные предложения. Еще Марк Фабий Квинтилиан (лат. Marcus Fabius Quintilianus, около 35 г. н. э.) – римский ритор (учитель красноречия) из испанского города Каллагурис (совр. Калаорра), автор «Наставлений оратору» (Institutio oratoria) – самого полного учебника ораторского искусства, дошедшего до нас от античности, относит зевгму к фигурам, образуемым путем сокращения, и определяет ее как конструкцию, где «...к одному слову относятся несколько членов предложения, причем в каждом из них, взятом в отдельности, ощущается отсутствие этого слова. Осуществляется это тем путем, что относящееся ко всем членам слово либо стоит впереди, причем последующие члены предложения сохраняют с ним связь, либо они стоят в виде заключительного слова, замыкающего несколько членов. Может оно стоять и в середине, чтобы обслуживать как предыдущие, так и последующие члены» [3, с. 172]. Например: *Так останется ли за таким имя порядочного, да и вообще человека?* [1, с. 77].

Узость трактовок современных словарей, приведенных выше, подтверждает и исследование В.П. Москвина, представленное в статье «О зевгме, ее разновидностях и смежных явлениях» [7], где на основе сопоставления зевгмы и ряда смежных с ней стилистических приемов, систематизации наиболее значимых ее типов уточнено содержание понятия зевгмы и ее определение. Автор отмечает, что «соединить все эти, казалось бы, несовместимые разновидности анализируемой фигуры в рамках одного понятия способно определение зевгмы как приема объединения ряда языковых единиц общим компонентом. Различного рода ограничения по количественному параметру, по уровневой и частеречной принадлежности, по форме речи, а также по отношению к нормам грамматического и семантического согласования дают практически необозримое число узких пониманий и истолкований зевгмы» [7, с. 32].

Как видим, анализ всех существующих в филоло-

гической традиции трактовок зевгмы привел к необходимости более широкого ее понимания, поэтому для обозначения интересующего нас структурно-функционального типа зевгмы представляется необходимым использование более узкого термина – «зевгматические конструкции». Использование данного наименования является оправданным с той точки зрения, что противоположной зевгме фигурой является гипозевксис. Гипозевксис представляет собой «лексико-синтаксический параллелизм, то есть повтор такой синтаксической конструкции, в которой одна часть слов постоянна, другая меняется… <…>: *Пред королем он предстает, пред королем он речь держит* и др. Зевгма либо сокращает лексико-синтаксический параллелизм, ср.: *Пред королем он предстает, пред королем он речь держит* (гипозевксис) *Пред королем он предстает, пред королем речь держит* (зевгма), либо полностью его устраняет: *Пред королем он предстает и речь держит*» [7, с. 26]. При сопоставлении данных фигур становится очевидным, что генетически изначальная функция зевгмы связана с сокращением лексико-синтаксического параллелизма, эта функция полностью реализуется в исследуемых нами в дальнейшем зевгматических конструкциях.

Уточнив дефиниторную дескрипцию зевгматических конструкций, нюансирующую смысл более общего понятия «зевгма», обратимся теперь к определению собственно синтаксической сущности подобных явлений. Зевгма в целом и зевгматические конструкции в частности в работах зарубежных (прежде всего американских и европейских) и отечественных лингвистов интерпретируются как разновидность эллипсиса. Например, «Клод Лансло (1615 – 1695), один из авторов знаменитой „Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля“, определяет зевгму как „вид <эллипсиса>“ [7, с. 30]. Современные ученые в отношении зевгматических конструкций оперируют также понятием координационный эллипсис (coordinate ellipsis). Под координационным эллипсисом понимаются конструкции, в которых в одном из конъюнктов пропущен определенный элемент, общий для всей цепочки. Кроме того, как особый тип координационного эллипсиса выделяется gapping. Gapping определяется как тип эллипсиса, при котором опускается спрягаемый глагол, либо глагол и зависимые слова в ряду сочиненных предложений. Впервые пристальное внимание данному феномену было уделено в работе Джона Роберта Росса, которая была выполнена в русле генеративной трансформационной грамматики и издана в 1970 году [15, с. 6]. Ввиду разночтений касаемо синтаксической квалификации эллипсиса данная интерпретация зевгматических конструкций на родовом уровне требует уточнения.

М.В. Копотев, вслед за И.А. Мельчуком, понимает под эллипсисом «правило элиминирования определенных знаков в определенном контексте. <…> [Это] операция незнаменательная: ее применение не меняет смысла, но требуется для грамматической или стилистической корректности высказывания» [6, с. 2]. В статье М.В. Копотева, посвященной разметке синтаксической неполноты в корпусе, зевгматические конструкции приводятся в качестве примера сочинительного эллипсиса: *Я купил рубашку, а он галстук; Он купил красный галстук, а я синий* [6, с. 2].

Приведем также несколько традиционных определений эллипсиса. По мнению О.С. Ахмановой, эллипсис – это «пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации» [4, с. 525]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский определяют эллипсис как «трансформацию, приводящую к удалению коммуникативно избыточных элементов предложения» [2, с. 641]. Исходя из определений видно, что принципиальным отличием зевгматических конструкций от классического эллипсиса с точки зрения построения синтаксической конструкции является наличие главного члена, общего для цепочки однородных сочиненных предложений, который реализуется только в одном случае, а в остальных подразумевается.

Кроме того, существует иной подход к трактовке эллипсиса, предложенный, в частности, в докторской диссертации Е.В. Грудевой. Автор отмечает, что существуют различные механизмы «незаполнения пустых мест». Рассмотрим два из них:

«Эллипсис – это контекстное или ситуационное опущение тех или иных элементов высказывания, которые могут быть восстановлены; при этом общий смысл высказывания, соответствующего конструкции с эллипсом, с одной стороны, и соответствующего конструкции без него – с другой, один и тот же. Редукцией мы называем языковую ситуацию запрета на синтаксическое выражение того или иного (семантического) аргумента. «Запрет» проявляется, в частности, в том, что при восстановлении на поверхностном уровне данного актанта мы получаем либо неприемлемое в данном языке высказывание, либо принципиально иной тип конструкции. Иначе говоря, в случае действия механизма редукции у носителей языка нет такого выбора, какой есть в ситуации эллипсиса» [5, с. 150].

Как видим, зевгматические конструкции отличны от классического эллипсиса как по характеру самой конструкции, так и тем, что по механизму «незаполнения пустых мест» тяготеют к редукции. При восстановлении опущенных в зевгматических конструкциях элементов высказывания мы наблюдаем своего рода стилистическую напряженность, которая возникает из-за неоправданного дублирования лексем и грамматических форм, – в данной ситуации употребим термин «плеоназм». Итак, зевгма не предполагает полной конструкции, и здесь не может идти речь о факультативности опущенных элементов, в то время как «эллипсис возникает в ситуации выбора: единицу, элемент можно опустить, получив эллипсис, но можно и не опускать» [5, с. 143 – 153].

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что зевгматические конструкции, с одной стороны, стоят в одном ряду с эллипсисом, являя собой синтаксический прием экономии языковых средств. С другой стороны, установлен факт, что подобные явления не могут быть интерпретированы как подвид эллипсиса,

поскольку отличны от классического эллипсиса по механизму «незаполнения пустых мест».

Сбор языкового материала для дальнейшего исследования осуществлялся нами в трех основных направлениях, которые последовательно сменяли друг друга. Поскольку традиционно зевгма понимается все же как разновидность эллипсиса, то изначально была предпринята попытка извлечения зевгматических конструкций методом сплошной выборки из числа конструкций, размеченных как эллиптические в двух аннотированных корпусах – Национальном корпусе русского языка [8] и Хельсинкском аннотированном корпусе [12]. Выбор именно этих корпусов обусловлен наличием в них необходимой синтаксической разметки, а именно разметки синтаксических нулей. Следует отметить, что как таковые зевгматические конструкции не размечены ни в одном из корпусов, на что существует ряд причин, связанных как с недостаточной изученностью данного явления, так и с отсутствием единой синтаксической теории. Поэтому в данном случае задача заключалась в том, чтобы из всего объема эллиптических конструкций, представленных в корпусах, вручную выбрать непосредственно зевгматические конструкции.

На основании проведенной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Хельсинкского аннотированного корпуса русских текстов ХАНКО был выявлен 581 пример с пометой «эллипт», т. е. высказывания с эллиптической структурой.

В результате работы с данным материалом были отобраны 56 зевгматических конструкций, что составляет всего лишь 10 % от общего объема обнаруженных примеров эллипсиса.

Поскольку объем отобранного материала оказался крайне немногочисленным, нами был выделен следующий критерий, позволяющий продолжить поиск по корпусам. Как отмечалось выше, зевгматические конструкции представляют собой ряд параллельных сочиненных предложений, организованных вокруг одного общего для них всех главного члена (реализуемого только в одном из них, а в остальных – подразумеваемого). На основании этого мы определили возможность поиска данного феномена по такому критерию, как наличие сочинительной связи в предложении. Принимая во внимание споры, вызванные разграничением сложносочиненного и других типов сложного предложения, далее кратко обозначим характеристику сочинительной связи в сложном предложении, на которую мы будем опираться в настоящем исследовании. Вслед за В.А. Белошапковой мы принимаем следующее определение сочинительной связи в сложном предложении: сочинительная связь «характеризуется тем, что соединяемые ею компоненты (формы слов в словосочетании и предикативные единицы в сложном предложении) выполняют одну и ту же синтаксическую функцию относительно друг друга и образуемого ими целого. Основным средством выражения сочинительной связи являются сочинительные союзы. В сложных предложениях с сочинительной связью нет различия в функции части, вводимой союзом, и части, не содержащей союза, и ни одна из соединяемых предикативных единиц не занимает синтаксического места формы слова в составе другой части» [10, с. 732]. В бессоюзных предложениях открытой структуры связь также может быть квалифицирована как сочинительная. Например: «Топится печка, ярко горит лампа, стучат старинные часы» [10, с. 732]. В таких предложениях «сам потенциальный количественный состав характеризует связь как сочинительную, поскольку подчинительная связь представляет собой отношение обязательно между двумя компонентами» [10, с. 732]. В обоих корпусах возможен поиск предложений с сочинительной связью, но в НКРЯ этот поиск более конкретен в том отношении, что разработчики выделяют различные подвиды синтаксических сочинительных отношений, в том числе основываясь на том, что представляют собой члены сочинительной конструкции. Для данного исследования актуальными параметрами поиска представляются сентенциально-сочинительные синтаксические отношения, при которых «X – вершина первого из однородных предложений, Y – вершина второго предложения или же сочинительный союз: *Мчатся* [X] *тучи*, *вьются* [Y] *тучи*...; *Они не придут* [X], *и* [Y] *мы останемся одни*» [8]. Поиск по данному критерию позволил выявить 156 примеров зевгматических конструкций.

При анализе отобранного материала (всего 212 примеров), исходя из лексического наполнения и контекста, было выявлено, что с точки зрения прагматической нагрузки зевгматические конструкции имеют следующее основное значение – установление отношений сопоставления и противопоставления. В качестве формального показателя служит союз *а* (реже *и*) или бессоюзие. В синтаксической семантике отмечается, что наиболее частым является употребление союза *а* в значении сопоставления, противопоставления, которое характеризуется и некоторыми синтаксическими особенностями, в частности синтаксическим параллелизмом. В.З. Санников, иллюстрируя данное употребление союза *а*, приводит в качестве примеров собственно зевгматические конструкции: *Ваня живет на ул. Маркса, а Коля – на Ленинском проспекте* [9, с. 271]. Приведенные выше наблюдения позволили обнаружить возможность поиска зевгматических конструкций в корпусах русского языка по наличию в предложении сочинительного союза *а*. Поскольку данный критерий не требует наличия особой синтаксической разметки, то выборка дальнейших примеров производилась из основного подкорпуса НКРЯ. Работа в данном направлении еще продолжается, данное исследование базируется на 462 примерах, общий объем исследованного материала составляет более 350 000 предложений.

При анализе полученных примеров были определены следующие особенности зевгматических конструкций:

1) обязательное наличие сочинительной связи;

2) обязательное наличие главного члена, общего для цепочки сочиненных предложений;

3) параллельность структур в сочиненных предложениях;

4) если в качестве общего элемента выступает глагол, то:

– необходимо совпадение антецедента и пропуска на уровне логической формы (время, вид, залог); на уровне согласования возможно несовпадение (число, лицо).

Например: *ВВП вырос на 7 %, промышленность (выросла) – на 10 %, валютные резервы (выросли) – аж до 30 млрд дол., чего с Россией не случалось очень давно* [12];

– имплицитный глагол имеет нефонематическое выражение - интонационную паузу, которая на письме может быть выражена тире.

Подобные конструкции описывает Леннарт Ленгрен в своей статье, посвященной изучению имплицитных глаголов в русском языке. По способу восстановления имплицитных глаголов автор выделяет случаи, в которых глагол восстановим из контекста. «Это означает, что идентификация имплицитного глагола может быть осуществлена непосредственно за счет эксплицитного выражения (в предшествующем контексте), как в следующем примере:

[*Мальчик пил сок из стакана, а его*] *отец – вино из фужера*» [14, с. 70].

Л. Леннгрен отмечает, что здесь весьма характерны также придаточные предложения, вводимые союзом как. Например: «[*Он забавлялся с этим Ясногоровым, как*] *кот с мышью*» [14, с. 73]. Подобные предложения мы не рассматриваем как зевгматические конструкции, поскольку им присущи некоторые специфические черты, выходящие за рамки очерченных нами критериев. Во-первых, данные примеры характеризуются наличием подчинительной, а не сочинительной связи. Во-вторых, если мы эксплицируем глагол во втором предложении этих примеров, то, помимо адаптации лица и числа, наблюдается изменение во времени: «Я завидую Копылову, как Сальери (завидовал) Моцарту» [14, с. 73]. В-третьих, в подобных случаях имплицитный глагол обычно остается без интонационной отметки перед ним.

Подводя итоги, можно заключить, что зевгматические конструкции – это явление синтаксической неполноты, смежное с эллипсисом. По характеру «незаполнения пустых мест» данный феномен должен быть отнесен к редукции, являясь при этом лишь одним из ее структурно-семантических типов. Предпринятая выше попытка внести свой вклад в дальнейшую систематизацию явлений синтаксической неполноты выявила свою актуальность при работе с корпусами русского языка. Как показала практика, из 212 примеров зевгматических конструкций, реально присутствующих в синтаксически размеченном подкорпусе НКРЯ, как эллиптические размечены 56, а в остальных примерах опущенные слова восстанавливаются, и им приписывается дополнительный признак «фантом». Но по данной технологии восстанавливаются как антецедент в зевгматических конструкциях, так и глаголы некоторой размытой семантики, как, например, в следующем тексте: «*Парочку морей бы еще в Сибирь. Африку можно бы ниже. Индия пусть* (Т. Толстая)» [8]. Здесь добавляется узел, аналогичный «фантому», ему приписываются наиболее естественные характеристики. В данном примере после слова *пусть* добавляется узел с леммой «неопр. – глагол (*оставаться*)».

Проведенное исследование явно показало, что отсутствие стройной классификации явлений синтаксической неполноты и неясность в их синтаксической квалификации затрудняют разработку конкретных поисковых запросов в корпусах русского языка. Так, нерешенные проблемы традиционного языкознания тормозят дальнейшее развитие прикладной (компьютерной) лингвистики.

В заключение хотелось бы привести цитату из работы А.В. Циммерлинга: «Правильно построенные структуры иногда могут порождаться и распознаваться носителями языка и в том случае, когда не все их звенья выражены эксплицитно. Это побуждает добавить в грамматику раздел, изучающий условия полной и неполной реализации синтаксических структур и свойства т.н. нулевых категорий, которые необходимы для порождения и распознавания синтаксических объектов, но могут быть лишены звуковой оболочки» [13, с. 1].

Литература

1. *Автухович, Т.Е.* Античная риторика: учеб. пособие по курсу «Риторика» для студентов гуманитарных специальностей / Т.Е. Автухович. – Гродно, 2003.
2. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.Н. – М., 1996.
3. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. – М.; Л., 1936.
4. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1966.
5. *Грудева, Е.В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте: моногр. / Е.В. Грудева. – Череповец, 2007.
6. *Копотев, М.В.* Разметка синтаксической неполноты в корпусе / М.В. Копотев, Г.Б. Гурин. – URL: http:// www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/46.htm
7. *Москвин, В.П.* О зевгме, ее разновидностях и смежных явлениях / В.П. Москвин // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2010. – № 5, т. 69. – С. 26 – 34.
8. Национальный корпус русского языка. – URL: http://www.ruscorpora.ru/
9. *Санников, В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В.З. Санников. – М., 2008.
10. Современный русский язык / В.Л. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.
11. *Хазагеров, Т.Г.* Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. – Ростов н/Д, 1994.
12. Хельсинкский аннотированный корпус русских текстов ХАНКО. – URL: http://www.helsinki.fi/venaja/russian/e-material/hanco/index.htm
13. *Циммерлинг, А.В.* Синтаксические нули в теории грамматики / А.В. Циммерлинг. – URL: http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/81.htm
14. *Lönngren, L.* Implicit Verbs in Russian / L. Lönngren // Poljarnyj vestnik 2. – 1999. – P. 70 – 83.
15. *Repp, S.* Negation in gapping / S. Repp. – N.Y., 2009.